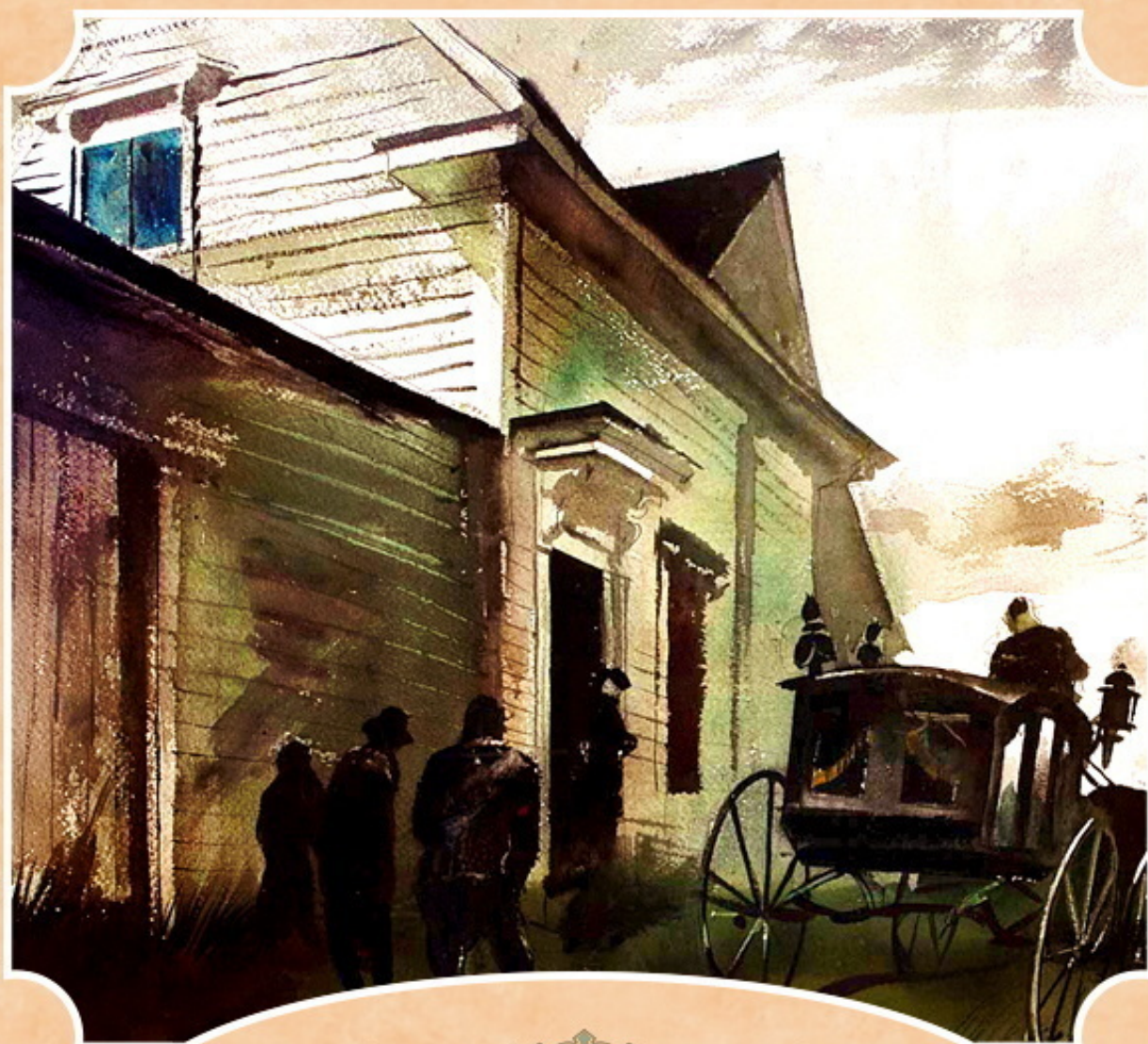

ГОВАРД HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT *H. P. Lovecraft* ЛАВКРАФТ

Заброшенный дом

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Классика на все времена

Говард Лавкрафт
Заброшенный дом

«СОЮЗ»

1924

Лавкрафт Г. Ф.

Заброшенный дом / Г. Ф. Лавкрафт — «СОЮЗ»,
1924 — (Классика на все времена)

ISBN 978-5-605-22803-5

Таинственные существа, населяющие подземный мир, демоны, пожирающие трупы, монстры, живущие в неопределенных сферах и измерениях за пределами нашей материальной вселенной – все они населяют мир Лавкрафта, столь же загадочный, сколь и ужасающе захватывающий. В этом сборнике представлены избранные рассказы величайшего мастера ужасов, коим вне всякого сомнения являлся Говард Филлипс Лавкрафт. В сборник вошли рассказы: • «Заброшенный дом» • «Изгой» • «Неименуемое» • «Показания Рэндольфа Картера» • «Праздник» • «В склепе» • «Память» • «Картинка в старой книге» • «Страшный старик»

ISBN 978-5-605-22803-5

© Лавкрафт Г. Ф., 1924
© СОЮЗ, 1924

Содержание

Зброшенный дом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Говард Филлипс Лавкрафт

«Заброшенный дом» и другие рассказы

Howard Phillips Lovecraft,
«The Shunned House»

© перевод с английского О. Мичковский
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
WWW.SOYUZ.RU

Заброшенный дом

1

Даже самым леденящим ужасам нередко сопутствует ирония. Порою она составляет их неотъемлемую часть, порою связана с ними опосредованно, через тех или иных лиц или места. Прекрасным образцом иронии последнего рода может служить случай в старинном городе Провиденсе в конце сороковых, когда там частенько гостил Эдгар Аллан По в пору своего безуспешного сватовства к даровитой поэтессе Хелен Уитмен. Обычно По останавливался в «Мэншн-хаус» на Бенефит-стрит – той самой гостинице, что некогда носила название «Золотой шар» и в разное время привечала таких знаменитостей, как Вашингтон, Джефферсон и Лафайет. Излюбленный маршрут прогулок поэта пролегал вверх по названной улице к дому миссис Уитмен и расположенному на соседнем холме погосту церкви Св. Иоанна с его многочисленными надгробиями восемнадцатого века, скрытыми под сенью древ и имевшими для По особое очарование.

Ирония же состоит в следующем. Во время этих прогулок, повторявшихся изо дня в день, величайший мастер ужаса и гротеска всякий раз проходил мимо одного дома на восточной стороне улицы – обветшалого старомодного строения, торчавшего на склоне холма, с большим запущенным двором, существовавшим еще с тех времен, когда окружающая местность фактически находилась за чертой города. Нет указаний на то, что По когда-либо писал или говорил об этом доме, как нет и оснований утверждать, что он вообще обращал на него внимание. Тем не менее, именно этот дом в глазах двух людей, обладающих некоторой информацией, по ужасам своим не только равен, но даже превосходит самые безумные из вымыслов гения, столь часто проходившего мимо него в неведении, и поныне взирает на мир тусклым взглядом своих оконниц, как пугающий символ всего неопишимо чудовищного и ужасного.

Строение это было и, пожалуй, остается объектом такого рода, которые всегда привлекают внимание любопытных. Изначально имевшее вид обычного фермерского дома, впоследствии оно приобрело ряд черт, типичных для новоанглийской колониальной архитектуры середины восемнадцатого столетия, и превратилось в помпезный двухэтажный особняк с остроконечной крышей и глухой мансардой, георгианским парадным входом и внутренней панельной обшивкой в тогдашнем вкусе. Дом стоял на западном склоне холма и был обращен фасадом на юг; нижние окна с правой его стороны находились почти вровень с землей, зато левая половина дома, граничившая с улицей, была открыта до самого основания. Конструкция дома, чей фундамент был заложен более полутора веков назад, изменялась по мере улучшения и выпрямления дороги, пролегавшей рядом с ним. Речь идет все о той же Бенефит-стрит, которая прежде называлась Бэк-стрит и представляла собой узкую улочку, петлявшую между могилами первых поселенцев. Выпрямить ее удалось лишь после того, как с перезахоронением тел на Северном кладбище отпало единственное моральное препятствие к тому, чтобы проложить путь прямо через старые фамильные делянки.

Первоначально западная стена дома возвышалась на расстоянии около шести метров от дороги, однако в результате расширения последней, осуществленного незадолго до революции, интервал существенно сократился, а подвальный этаж обнажился настолько, что пришлось соорудить кирпичную стену с двумя окнами и дверью, оградившую его от нового маршрута для публичного передвижения. Когда сто лет тому назад был проложен тротуар, промежуток между домом и улицей исчез окончательно, и во время своих променадов По мог видеть лишь

серую кирпичную стену высотой в три метра, вплотную примыкавшую к тротуару, да свес крытой дранкой крыши.

Обширный земельный участок простирался от дома вверх по склону холма почти до Уитон-стрит. Пространство между фасадом дома и Бенефит-стрит располагалось значительно выше уровня тротуара, образуя своего рода террасу, опиравшуюся на высокий каменный вал, сырой и замшелый. Узкие и крутые ступени, выдолбленные в камне, вели вверх в мир запущенных лужаек, неухоженных огородов и осыпающихся кирпичных кладок, где в беспорядке валялись разбитые цементные урны, ржавые котлы, узловатые треноги, некогда служившие им опорой, и тому подобные предметы, образуя живописный фон для выдавшей виды парадной двери с зияющим над ней веерообразным оконным проемом, прогнившими ионическими пилястрами и изъеденным червями треугольным фронтоном.

Все, что я слышал о заброшенном доме в детстве, сводилось к необыкновенно большому количеству людей, которые в нем умерли. Именно это обстоятельство якобы и заставило первых владельцев покинуть дом лет через двадцать после того, как он был построен. Причиной смертей, скорее всего, была нездоровая атмосфера, обусловленная сыростью и погаными наростами в подвале, всепроникающим тошнотворным запахом, сквозняками или, наконец, недоброкачественной водой. Любого из перечисленных факторов было бы вполне достаточно, а дальше таких предположений никто из моих знакомых не шел. И только записные книжки моего дядюшки, неутомимого собирателя древностей доктора Илайхью Уиппла, поведали мне о более мрачных подозрениях, ходивших среди старой прислуги и простого люда; подозрениях, никогда не покидавших пределы узкого круга посвященных и по большей части забытых к тому времени, когда Провиденс вырос в крупный современный город с быстро меняющимся составом населения.

Здравомыслящие горожане никогда не ассоциировали этот дом с нечистой силой. Об этом свидетельствует полное отсутствие рассказов о лязгающих цепях, ледяных сквозняках, блуждающих огоньках и чужих лицах за окнами. Иные максималисты называли дом «дурным местом», но не более того. Что действительно не вызывало сомнений, так это неслыханное количество людей, которые в нем умирали – точнее, умерли, ибо после известных событий шестидесятилетней с лишним давности он остался без жильцов ввиду полной невозможности быть сданным внаем. В этом доме редко кто умирал скоропостижно и по какой-то конкретной причине. Общим для многих смертей было то, что у человека незаметно иссякала жизненная сила, и каждый умирал от того недуга, который в нем уже сидел, но только в гораздо более короткие сроки. А у тех, кто оставался в живых, в различной степени проявлялось малокровие или чахотка, а иногда и снижение умственных способностей, что явно говорило не в пользу целебных качеств помещения. К слову сказать, соседние дома вообще не обладали подобными пагубными свойствами.

Вот все, что было мне известно на тот момент, когда уставший от моих настойчивых расспросов дядюшка показал мне записи, которые в конечном счете подвигли нас обоих начать расследование. В пору моего детства в страшном доме никто не жил; в расположенном на террасе дворе, где никогда не зимовали птицы, росли одни бесплодные, безобразно искривленные, старые деревья, высокая, густая и неестественно блеклая трава да уродливые, как ночной кошмар, сорняки. Детьми мы часто посещали это место, и я до сих пор помню тот своеобразный азартный страх, который я испытывал не только перед нездоровой причудливостью этой зловещей растительности, но и перед странной атмосферой и запахом полуразрушенного здания, куда мы часто проникали через незапертую парадную дверь, чтобы пощекотать себе нервы. Маленькие оконца были по большей части лишены стекол, и невыразимый дух запустения оведал еле державшуюся камышитовую обшивку, ветхие внутренние ставни, отстающие обои, отваливающуюся штукатурку, шаткие лестницы и сломанную мебель. Пыль и паутина вносили свою лепту в общее ощущение ужаса, и подлинным храбрецом считался тот мальчик, который

отваживался добровольно подняться по стремянке на чердак, обширное балочное пространство которого получало свет лишь через крошечные угловые оконца и было заполнено сваленными в кучу обломками сундуков, стульев и прялок, за многие годы окутанными паутиной настолько, что они приобрели самые чудовищные и дьявольские очертания.

И все же самым страшным местом в доме был не чердак, а сырой и промозглый подвал, внушавший нам наибольший ужас, хотя он почти вплотную примыкал к людной улице, от которой его отделяла лишь тонкая дверь да кирпичная стена с окошком. Мы не были уверены, стоило ли заходить в него, уступая естественной тяге к неизвестному и пугающему, либо же следовало сторониться его, дабы не навредить душе и рассудку. Ибо, с одной стороны, дурной запах, пропитавший весь дом, ощущался здесь в наибольшей степени; с другой стороны, нас пугала та белая грибовидная поросль, что появлялась в иные дождливые летние дни на твердом земляном полу. Эти грибы, гротескно схожие с растениями во дворе, имели поистине жуткие формы, представляя собой отвратительные карикатуры на поганки и «индейские трубки», какие мне не случалось видеть ни в каких других условиях. Они быстро разлагались и на определенной стадии начинали слегка фосфоресцировать, так что запоздалые прохожие нередко рассказывали о бесовских огоньках, мерцающих за источающими смрад оконницами.

Даже в разгар самых буйных своих сумасбродств в канун Дня Всех Святых мы не навдывались в подвал в темное время суток, зато во время дневных посещений не раз наблюдали упомянутое свечение, особенно в пасмурную и сырую погоду. Было еще одно явление, более неуловимое и необычное, казавшееся нам реально существующим, но скорее всего существовавшее лишь в нашем воображении. Я имею в виду расплывчатое белесое пятно на грязном полу – как бы налет плесени или селитры, который мы порой смутно различали среди скудной грибовидной поросли перед огромным очагом в подвальной кухне. Иногда нам бросалось в глаза жутковатое сходство этого пятна с очертаниями скрюченной человеческой фигуры, хотя в большинстве случаев такого сходства не наблюдалось, а зачастую никакого белесого налета не было вовсе. Как-то в дождливый полдень, когда сходство было особенно сильным и когда, как мне почудилось, над пятном поднималось какое-то испарение, слабое, желтоватое и мерцающее, которое улетучивалось в зияющую дыру дымохода, я рассказал об увиденном дяде. В ответ он только улыбнулся, но в улыбке его, казалось, промелькнуло некое воспоминание. Позднее я узнал, что о подобном явлении гласят простонародные поверья, связанные с безобразными, уродливыми формами, которые порой принимает дым, покидая широкий дымоход, и гротескными контурами, которые приобретают извилистые корни деревьев, пробившиеся в подвал сквозь щели меж камнями фундамента.

2

Пока я не достиг совершеннолетия, дядя не спешил знакомить меня с собранными им сведениями и материалами, касавшимися страшного дома. Доктор Уиппл был консервативным здравомыслящим врачом старого закала и, несмотря на весь свой интерес к этому загадочному месту, остерегался поощрять юный, неокрепший ум в его естественной тяге к сверхъестественному. По его мнению, дом и прилегающий к нему участок всего лишь нуждались в основательной санитарной обработке и не были связаны ни с какими аномальными явлениями, но при этом он прекрасно понимал, что сама живописность и неординарность строения, не оставлявшая равнодушным даже такого закоренелого материалиста, как он, в живом воображении мальчика непременно будет вызывать самые жуткие образные ассоциации.

Дядюшка жил бобылем. Этот седовласый, чисто выбритый, одевавшийся по старой моде джентльмен слыл местным летописцем и неоднократно скрещивал полемическую шпагу с такими любителями дискуссий и охранителями традиций, как Сидни С. Райдер и Томас У. Бикнелл. Он и его единственный слуга жили в георгианском особняке с дверным кольцом и

лестницей с железными перилами, стоявшем на крутом подъеме Норт-Корт-стрит, рядом со старинным кирпичным зданием, где некогда располагались суд и колониальная администрация. Именно в этом здании 4 мая 1776 года дедушка моего дяди (между прочим, двоюродный брат того самого капитана Уиппла, чей капер в 1772 году потопил военную шхуну «Гаспи» флота Ее Величества) голосовал за независимость колонии Род-Айленд. В библиотеке – сыром, низком помещении с потемневшей от времени панельной обшивкой, затейливыми резными украшениями над камином и крошечными оконцами, затененными виноградными лозами, – дядю окружали старинные фамильные реликвии и бумаги, содержавшие немало многозначительных аллюзий на заброшенный дом по Бенефит-стрит. Кстати, этот очаг заразы находится совсем рядом, так как Бенефит-стрит, идущая по склону крутого холма, где ранее стояли дома первых поселенцев, проходит прямо над бывшим зданием суда.

Когда, наконец, мои докучливые просьбы и зрелость лет вынудили дядю поведать мне все, что он знал о заброшенном доме, передо мной предстала довольно странная хроника. Все это обилие фактов, дат и скучнейших генеалогических построений пронизывало ощущение некоего гнетущего и неотвязного ужаса и сверхъестественной демонической злобы, что произвело на меня впечатление гораздо более сильное, нежели на моего почтенного дядюшку. События, казалось бы, ничем между собой не связанные, складывались в одно целое самым удивительным и жутким образом; а несущественные, на первый взгляд, подробности давали повод для самых чудовищных предположений. Меня одолел новый жгучий интерес, в сравнении с которым прежнее детское любопытство казалось мне теперь необоснованным и смешным. Это первое откровение подвигло меня на тщательное расследование и, в конечном счете, вынудило решиться на леденящий душу эксперимент, оказавшийся губительным для меня и моего родственника. Ибо дядюшка все-таки настоял на том, чтобы принять участие в начатых мною изысканиях, и дождливая ночь, проведенная нами в том доме, стала для него последней. Как мне не хватает этого милого человека, чья долгая жизнь была образцом честности, добродетели, изысканного вкуса, великодушия и учености! В память о нем я воздвиг мраморную урну на кладбище Св. Иоанна, которое так любил Эдгар По: оно расположено на вершине холма под сенью высоких ив, где могилы и надгробия смиренно теснятся между старинной церковью и зданиями Бенефит-стрит.

История дома, открывавшаяся целым лабиринтом дат, не содержала и намека на какую-либо зловещую тайну ни в связи с его постройкой, ни в связи с воздвигшим его семейством, состоятельным и почтенным. Тем не менее, уже с самого начала ощущалась какая-то надвигающаяся угроза, в скором времени принявшая ощутимые масштабы. Летопись, добросовестно составленная дядей из разрозненных фактов, начиная с постройки дома в 1763 году, отличалась удивительным изобилием подробностей. Первыми жильцами дома были некто Уильям Гаррис, его супруга Роби Декстер и дети: Элькана, Абигайль, Уильям-младший и Рут, появившиеся на свет соответственно в 1755, 1757, 1759 и 1761 гг. Гаррис был преуспевающим купцом и вел морскую торговлю с Вест-Индией через фирму Обедайи Брауна и его племянников. Когда в 1761 году Браун-старший приказал долго жить и компанию возглавил его племянник Николас, Гаррис стал хозяином 120-тонного брига «Пруденс», что дало ему возможность построить собственный дом, о котором он мечтал со дня женитьбы.

Выбранное им место – недавно выпрямленный отрезок новой, фешенебельной Бэк-стрит, проходившей по склону холма над многолюдным Чипсайдом – не оставляло желать лучшего, а возведенное здание, в свою очередь, делало честь выбранному месту. Это было лучшее, на что мог претендовать человек с умеренными средствами, и Гаррис поспешил въехать в новый дом накануне рождения пятого ребенка. Мальчик появился на свет в декабре, но был мертворожденным. В течение следующих полутора столетий ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года на семью обрушилось новое горе: дети внезапно заболели, и двое из них, Абигайль и Рут умерли, не дожив до конца месяца. По заключению доктора Джоуба Айвза, их унесла в могилу какая-то разновидность скарлатины; другие врачи в один голос утверждали, что болезнь скорее напоминала туберкулез или скоротечную чахотку. Как бы то ни было, но она, видимо, оказалась заразной, ибо именно от нее в июне того же года скончалась служанка по имени Ханна Бауэн. Еще один слуга, Илай Лиддисон, постоянно жаловался на дурное самочувствие и уже было собирался вернуться на отцовскую ферму в Рехобот, как вдруг воспылил страстью к Мехитабель Пирс, принятой на место Ханны. Илай умер на следующий год, год воистину скорбный, поскольку он был озаменован кончиной самого Уильяма Гарриса, здоровье которого не выдержало климата Мартиники, где ему за последние десять лет приходилось часто и подолгу бывать по служебным делам.

Молодая вдова так и не оправилась от потрясения, вызванного смертью мужа, а кончина ее старшей дочери Эльканы, последовавшая спустя два года, нанесла окончательный удар по рассудку несчастной женщины. В 1768 году она впала в легкое умопомешательство, и с тех пор ее держали взаперти на верхнем этаже дома. Забота о хозяйстве и семье пала на плечи ее старшей сестры, незамужней Мерси Декстер, которая переехала к ним. Худая и некрасивая Мерси обладала недюжинной физической силой, однако после переезда здоровье ее стало резко ухудшаться. Она была исключительно предана своей несчастной сестре и питала особую привязанность к своему племяннику Уильяму, единственному из детей, кто остался в живых. Правда, этот некогда румяный крепыш превратился в хилое, рахитичное существо. В том же году умерла служанка Мехитабель, и сразу после ее смерти уволился второй слуга, Смит по прозвищу Береженный, не дав своему поступку сколько-нибудь вразумительного объяснения, если не считать каких-то совершенно диких небылиц и сетований на то, будто ему не нравился запах в доме. Какое-то время Мерси не могла найти новых слуг, поскольку семь смертей и одно умопомешательство за пять лет запустили механизм распространения сплетен, которые в скором времени приобрели самый абсурдный характер. В конце концов ей все же удалось найти двоих из другой местности: это были Энн Уайт, неприветливая особа из той части Норт-Кингстауна, которая позднее приобрела статус отдельного города под названием Эксетер, и расторопный бостонец по имени Зенас Лоу.

Первым, кто придал зловещим пересудам более или менее конкретные очертания, стала Энн Уайт. Мерси следовало бы хорошенько подумать, прежде чем нанимать в прислуги уроженку Нуснек-Хилла, дремучей дыры, что была и остается гнездом самых диких суеверий. Еще в 1892 году жители Эксетера выкопали мертвое тело и подвергли сердце трупа торжественному сожжению, дабы предотвратить пагубные для общественного здоровья и мира влияния, которые якобы не замедлили бы воспоследовать, если бы покойник был оставлен в покое. Можно себе представить настроения тамошней общины в 1768 году! Язык у Энн Уайт был настолько злым и длинным, что через несколько месяцев ее пришлось уволить, а на ее место взять верную и добрую амазонку из Ньюпорта Марию Роббинс.

Между тем несчастная Роби Гаррис окончательно потеряла рассудок и принялась оглашать на весь дом свои сны и видения, носившие самый чудовищный характер. Ее ужасающие вопли могли продолжаться часами, что, в конце концов, вынудило домашних временно поселить ее сына в доме его двоюродного брата Пелега Гарриса, жившего в Пресвитерианском переулке по соседству с новым зданием колледжа. Как следствие, мальчик заметно поправился, и если бы Мерси руководствовалась не только благими намерениями, но и здравым смыслом, она бы оставила его у брата насовсем. О том, что именно выкрикивала миссис Гаррис во время своих буйных припадков, семейное предание умалчивает, в лучшем случае приводя настолько экстравагантные примеры, что они опровергают сами себя ввиду их нелепости. Ну разве не абсурдно звучит утверждение, будто женщина, имевшая лишь самые элементарные познания во французском, могла часами выкрикивать просторечные и непристойные выражения на этом

языке, или будто она же, сидя в одиночестве и под надежным надзором, во всеуслышание жаловалась на то, что якобы ее щипало и кусало некое существо с горящими глазами? В 1772 году умер Зенас, и, узнав об этом, миссис Гаррис разразилась пугающе радостным смехом, совершенно ей не свойственным. Она скончалась на следующий год и была похоронена на Северном кладбище рядом с мужем.

В 1775 году, когда началась война с Англией, Уильяму Гаррису-младшему, несмотря на его шестнадцать лет и слабое телосложение, удалось поступить в наблюдательный корпус под командованием генерала Грина, и с этого дня его здоровье и карьера стремительно пошли в гору. В 1780 году, будучи уже капитаном род-айлендских волонтеров на территории Нью-Джерси (ими командовал полковник Энджел), он женился на Фиби Хетфилд из Элизабеттауна, а в следующем году, уйдя в почетную отставку, вернулся в Провиденс вместе с молодой женой.

Нельзя сказать, что возвращение славного воина ничем не было омрачено. Дом, правда, по-прежнему оставался в хорошем состоянии, а улицу расширили и переименовали из Бэк-стрит в Бенефит-стрит, зато Мерси Декстер претерпела печальную и странную метаморфозу: эта некогда крепкая женщина превратилась в сутулую и жалкую старуху с глухим голосом и мертвенно-бледным лицом. На удивление сходное превращение произошло и с единственной оставшейся служанкой Марией. Осенью 1782 году Фиби Гаррис родила мертвую девочку, а 15 мая следующего года Мерси Декстер завершила свой самоотверженный, скромный и добродетельный жизненный путь.

Уильям Гаррис, теперь уже полностью удостоверившись в нездоровой атмосфере своего жилища, принял меры к переезду, предполагая в ближайшем будущем заколотить дом навсегда. Сняв комнаты для себя и жены в недавно открывшейся гостинице «Золотой шар», он занялся возведением нового, более фешенебельного дома на Вестминстер-стрит, в строящемся квартале за Большим мостом. Именно там в 1785 году появился на свет его сын Дьюти, и там семья благополучно жила до тех пор, пока наступление коммерческих заведений, заполонивших округу, не вынудило ее вернуться на противоположный берег реки в новый жилой район Ист-Сайд и поселиться на Энджел-стрит, пролежавшей по ту сторону холма, где в 1876 году ныне покойный Арчер Гаррис построил себе пышный, но безвкусный особняк с мансардой. Уильям и Фиби скончались в 1797 году во время эпидемии желтой лихорадки, и Дьюти был взят на воспитание своим кузеном Рэтбоуном Гаррисом, сыном Пелега.

Рэтбоун был человеком практичным и сдавал дом на Бенефит-стрит внаем, несмотря на последнюю волю Уильяма, не желавшего, чтобы там кто-то жил. Как опекун, он считал, что мальчик должен получать от своей собственности как можно больше дохода, и его нимало не смущали ни смерти и болезни, вследствие которых жильцы сменяли друг друга с быстротой молнии, ни растущая враждебность к дому со стороны горожан, и когда в 1804 году муниципалитет распорядился, чтобы территория дома была окурена серой и смолой, он едва ли ощутил что-то кроме легкой досады. Поводом для такого решения городских властей послужили четыре смерти, вызванные, предположительно, уже сходящей в то время на нет эпидемией лихорадки и возбудившие немало досужих толков. Ходил, в частности, слух, что дом источает лихорадочные миазмы.

Что касается Дьюти, то судьба дома почти его не волновала, поскольку, достигнув совершеннолетия, он поступил в военно-морской флот и во время войны 1812 года с отличием служил на капере «Бдительный» под началом капитана Кэхуна. Воротясь целым и невредимым, в 1814 году он женился и вскоре стал отцом. Последнее событие произошло в ту памятную ночь на 23 сентября 1815 года, когда случился сильнейший шторм и воды залива затопили полгорода; при этом один шлюп увлекло волнами аж до Вестминстер-стрит, и мачты его стучали в окна Гаррисов как бы в символическое подтверждение того, что младенец с говорящим именем Уэлком, т. е. «желанный», родился сыном моряка.

Уэлком не пережил своего отца: он пал смертью храбрых в битве при Фредериксбурге в 1862 году. В глазах Уэлкома и его сына Арчера заброшенный дом был не более чем старой развалиной, в которой никто не хотел селиться – вероятно, по причине дряхлости и тошнотворного запаха, непереносимого спутника любой старческой неопрятности. Действительно, дом ни разу не удалось сдать внаем после целого ряда смертей в 1861 году, которые, впрочем, были скоро забыты в за всеми тревожными, вызванными начавшейся войной. Кэррингтон Гаррис, последний из рода по мужской линии, видел в заброшенном доме лишь живописный объект преданий, пока я не поведал ему о своем опыте. Прежде он намеревался сравнять особняк с землей и построить на его месте многоквартирный дом, но после беседы со мной решил провести в него водопровод и пустить жильцов. С тех пор никаких проблем с жильцами не было. Кошмар покинул эти стены.

3

Нетрудно представить, какое сильное впечатление произвела на меня семейная хроника Гаррисов. На всем протяжении этой пространного отчета мне мерещилось назойливое присутствие какого-то злого начала, противного самой природе этого мира; было также очевидно, что зло это связано с домом, а не с семьей. Впечатление мое подтверждалось множеством разрозненных фактов, с грехом пополам сведенных моим дядей в подобие системы: я имею в виду рассказы слуг, газетные вырезки, копии свидетельств о смерти и тому подобные вещи. Я не собираюсь приводить здесь этот материал в полном объеме – дядюшка был неутомимым собирателем древностей и испытывал живейший интерес к страшному дому; упомяну лишь несколько наиболее важных моментов, заслуживающих внимания хотя бы потому, что они воспроизводятся во многих сообщениях из разных источников. К примеру, слуги практически единодушно приписывали неоспоримое верховенство в дурном влиянии затхлому и заплесневелому подвалу. Некоторые из них, в том числе Энн Уайт, никогда не пользовались подвальной кухней, и, как минимум, в трех сообщениях говорилось о причудливых, порой человеческих, порой inferнальных очертаниях, которые принимали корни деревьев и налеты плесени в том помещении. Эти сообщения вызвали у меня особый интерес в связи с тем явлением, которое я наблюдал собственными глазами, когда был ребенком, и все же меня не покидало ощущение, что самое главное в каждом из этих случаев было в значительной степени искажено дополнениями, заимствованными из местных легенд о привидениях.

Энн Уайт, болезненно суеверная, как все выходцы из Эксетера, распространяла самую экстравагантную и в то же время самую убедительную версию, уверяя, что прямо под домом находится могила одного из тех вампиров – то есть мертвецов, сохранивших свою телесную оболочку и питающихся кровью или дыханием живых людей, – чьи богомерзкие легионы отправляются по ночам на кровавый промысел в виде телесных образов или призраков. Чтобы уничтожить вампира, как советуют старые люди, его следует откопать и сжечь у него сердце – или хотя бы всадить ему в сердце осиновый кол. В конечном счете настойчивость, с которой Энн требовала проведения раскопок в подвале, и послужила решающей причиной для ее увольнения.

Тем не менее, ее байки имели широкую и благодарную аудиторию и принимались на веру тем охотнее, что дом действительно стоял на месте старого кладбища. Лично меня все эти рассказы интересовали постольку, поскольку они удивительно согласовывались с некоторыми другими фактами, а именно: словами заблаговременно уволившегося слуги по прозвищу Береженный Смит, жившего в страшном доме намного раньше Энн и не знавшего ее, который жаловался, будто по ночам нечто неведомое «высасывает из него дыхание»; свидетельствами о смерти четырех жертв лихорадки, выданными доктором Чедом Хопкинсом в 1804 году и констатировавшими у покойников необъяснимое малокровие; и, наконец, с обрывками бредо-

вых причитаний несчастной Роби Гаррис, упоминавшей острые клыки какого-то бестелесного существа с тусклым взглядом.

Как бы ни был я свободен от глупых суеверий, сведения эти вызвали у меня странное ощущение, которое было усугублено парой газетных вырезок, касавшихся смертей в страшном доме и разделенных большим промежутком времени – одной из «Провиденс Газет энд Кантри-Джорнел» от 12 апреля 1815 года, а другой из «Дейли Трэнскрипт энд Кроникл» от 17 октября 1845 года. В обеих заметках описывался жуткий феномен, двукратное повторение которого, на мой взгляд, было симптоматичным. В том и другом случаях умирающий (в 1815 году пожилая дама по фамилии Стэнфорд, в 1845 году школьный учитель средних лет Элиейзер Дюрфи) претерпевал чудовищную трансформацию, а именно: его глаза становились будто стеклянными, и он пытался укунить за горло лечащего врача. Однако еще более загадочным был последний эпизод, положивший конец сдаче дома внаем: я имею в виду серию смертей от малокровия, каждой из которых предшествовало прогрессирующее умопомешательство, проявлявшееся в том, что больной коварно покушался на жизнь своих близких, пытаясь прокусить им шею или запястье.

Упомянутые смерти относятся к 1860-61 годам, когда мой дядя только приступил к врачебной практике; он много слышал о них от своих старших коллег перед уходом на фронт. Поистине необъяснимым оставался тот факт, что жертвы – а это были невежественные представители низшего сословия, ибо сдать дурно пахнувший и имевший недобрую славу дом приличным людям было в то время невозможно – выкрикивали проклятия по-французски, хотя ни один из них ни в коей мере не владел этим языком ранее. То же самое имело место за сто лет до этих смертей в случае несчастной Роби Гаррис, и данное совпадение настолько поразило моего дядюшку, что вскоре после возвращения с войны, выслушав рассказы очевидцев, докторов Чейза и Уитмарша, он начал собирать факты из истории страшного дома. Я не раз убеждался в том, что дядя действительно глубоко размышлял над этим предметом и что он был рад моему интересу к последнему – интересу непредвзятому и сочувственному, позволявшему ему обсуждать со мной такие материи, которые у любого другого не вызвали бы ничего, кроме смеха. Фантазия его не заходила так далеко, как моя, однако он осознавал, что этот дом исключителен по своей способности давать пищу для воображения и достоин внимания хотя бы как источник вдохновения в области гротескного и зловещего.

Я, со своей стороны, отнесся к предмету со всей серьезностью и сразу приступил не только к проверке показаний очевидцев, но и к сбору новых фактов, насколько это было в моих силах. Я не раз беседовал с престарелым Арчером Гаррисом, тогдашним владельцем дома, вплоть до его смерти в 1916 году, и получил от него и его сестры, ныне еще здравствующей незамужней Элис, авторитетное подтверждение всех семейных дат, собранных моим дядюшкой. Но когда я спрашивал у них, какое отношение мог иметь дом к Франции или ее языку, они признавались, что столь же искренне недоумевают по этому поводу, как и я. Арчер вообще ничего не знал, что же до мисс Гаррис, то она поведала мне лишь о некоем упоминании, которое слышал ее дед, Дьюти Гаррис, и которое могло пролить хоть какой-то свет на эту загадку. Старый морской волк, который на два года пережил своего павшего на поле брани сына Уэлкома, рассказывал ей, что его старая няня Мария Роббинс смутно догадывалась о чем-то таком, что придавало особый, жуткий смысл французскому бреду Роби Гаррис. Мария жила в страшном доме с 1769 года вплоть до переезда семьи в 1783 году и присутствовала при смерти Мерси Декстер. Как-то раз она обмолвилась в присутствии малолетнего Дьюти об одном неординарном обстоятельстве, сопровождавшем последние минуты Мерси, однако со временем он начисто забыл, что это было за обстоятельство, а уж его внучка и подавно не могла сказать ничего определенного. Она и ее брат не так живо интересовались домом, как сын Арчера Кэррингтон, нынешний владелец, с которым я беседовал после своего эксперимента.

Вытянув из Гаррисов всю информацию, какой они обладали, я приступил к изучению старых городских хроник с еще большим энтузиазмом, чем в свое время мой дядюшка. Я хотел иметь исчерпывающие сведения об участке, где стоял дом, начиная с его застройки в 1636 году, а еще лучше с более древних времен, когда здесь жили индейцы-наррагансеты. Прежде всего я установил, что участок некогда входил в состав длинной полосы земли, изначально пожалованной некоему Джону Трокмортону, – одной из многих подобных полос, начинавшихся от улицы Таун-стрит, что идет параллельно реке, и тянувшихся вверх через холм примерно на одной линии с нынешней Хоуп-стрит. Участок Трокмортон в дальнейшем неоднократно подвергался разделу, и я тщательно проследил судьбу того его отрезка, на котором позднее пролегла Бэк-, она же Бенефит-стрит. Легенда гласила, что раньше там действительно располагалось семейное кладбище Трокмортон, однако, изучив документы более досконально, я обнаружил, что все могилы давным-давно были перенесены на Северное кладбище, находящееся на Потакет-Уэст-Роуд.

Неожиданно мне попало одно свидетельство – по редкостному везению, ибо оно отсутствовало в основном массиве документов и легко могло затеряться, – которое возбудило во мне живейший интерес, так как давало ключ к некоторым наиболее туманным аспектам всей истории. Это был договор об аренде от 1697 года, согласно которому земля переходила в пользование некоего Этьена Руле и его супруги. Наконец-то появился французский след, а вместе с ним и добавочный элемент ужаса, вызванного этим именем из самых отдаленных уголков моей памяти, где у меня хранилась вся информация о страшном доме, почерпнутая из обильного и разнородного чтения. Я принялся лихорадочно изучать бумаги о застройке местности, составленные еще до прокладки и частичного выпрямления Бэк-стрит в период между 1747 и 1758 годами, и сразу нашел то, чего наполовину ждал, а именно: на том самом месте, где теперь находился заброшенный дом, сразу за тогдашним коттеджем с мансардой, Руле с женой в свое время разбили кладбище; в то же время я не обнаружил ни одного упоминания о переносе могил. Заканчивался документ весьма сумбурно, и я был вынужден обшарить библиотеки Шепли и Род-айлендского исторического общества в поисках дверцы, которая бы отпиралась ключом с именем Этьена Руле. В конце концов, мне удалось кое-что откопать, и хотя моя находка носила довольно неопределенный характер, она имела настолько чудовищный смысл, что я немедленно приступил к обследованию подвала заброшенного дома с особыми тщательностью и рвением.

Согласно официальной записи, Руле прибыли в наши края в 1696 году из Ист-Гринвича, спустившись вдоль западного побережья залива Наррагансет. Они были гугенотами из местечка Код в Анжу и столкнулись с немалым противодействием со стороны членов городской управы, прежде чем им разрешили поселиться в Провиденсе. Косые взгляды окружающих преследовали их еще в Ист-Гринвиче, куда они прибыли в 1686 году, после отмены Нантского эдикта; ходили слухи, будто эта неприязнь выходила за рамки обычных национальных предрассудков или споров из-за земли, вовлекавших многих французских переселенцев в такие раздоры с англичанами, которые не в силах был уладить сам губернатор Эндрос. Но, к счастью, их ревностный протестантизм – слишком ревностный, как утверждали злые языки, – и вопиющая нужда, в которой пребывали изгнанники, помогли им обрести приют в Провиденсе, и смуглолицый Этьен Руле, склонный не столько к земледелию, сколько к чтению непонятных книжек и черчению замысловатых схем, устроился складским клерком на верфь Пардона Тиллингаста в южном конце Таун-стрит. Но спустя годы – лет через сорок, уже после смерти старшего Руле – случились какие-то беспорядки, и с тех пор об этих людях не было слышно ни слова.

Тем не менее, в течение ста с лишним лет семью Руле часто вспоминали и обсуждали как незаурядное явление в спокойной, размеренной жизни новоанглийского приморского городка. Сын Этьена, Поль – угрюмый тип, чье неадекватное поведение, вероятно, и спровоцировало те

беспорядки, после которых семья бесследно исчезла, – вызывал особый интерес, и хотя жители Провиденса никогда не разделяли панического страха своих пуританских соседей перед черной магией, с подачи старых кумушек в городе широко распространились рассказы о том, что, дескать, Руле-младший и произносил-то свои молитвы не в урочное время, и направлял-то их не по тому адресу. Вероятно, именно эти слухи легли в основу легенды, которую знала старуха Роббинс. Какое отношение они имели к французскому бреду Роби Гаррис и других обитателей страшного дома, можно было либо только гадать, либо выяснить посредством дальнейших изысканий. Меня интересовало, многие ли из тех, кто был в курсе местных легенд, осознавали ту дополнительную связь с ужасным, о существовании которой мне стало известно благодаря обильному чтению. Я имею в виду полный зловещего смысла эпизод, упоминаемый во французских анналах и связанный с неким *Жаком Руле из Кода*, приговоренным в 1598 году к костру за бесноватость, но впоследствии помилованным парижским парламентом и заключенным в сумасшедший дом. Он был задержан в лесу, весь в крови и клочьях мяса, вскоре после того, как пара волков задрала мальчугана. Одного из волков видели убегающим вприпрыжку. Чем не история для рассказов у камина, особенно с учетом имени и места действия, но я решил, что кумушки из Провиденса в большинстве своем ее не знали. Если бы знали, то совпадение имен неминуемо повлекло бы за собой какие-нибудь радикальные, вызванные страхом действия. А, может быть, именно этот слух, поначалу циркулировавший в ограниченных кругах, со временем привел к тем беспорядкам, кульминацией которых стало бесследное исчезновение семейства Руле?

Я стал все чаще навещать в проклятое место, изучая нездоровую растительность в саду, осматривая стены здания и внимательно обследуя каждый дюйм земляного пола в подвале. Испросив разрешение у Кэррингтона Гарриса, я подобрал ключ к неиспользуемой двери, ведущей из подвала прямо на Бенефит-стрит, и теперь имел более близкий доступ к внешнему миру, нежели через неосвещенную лестницу, прихожую и парадное. В этом средоточии нездоровой атмосферы я обшаривал каждую пядь, заглядывал в каждый уголок в те долгие послепопуденные часы, когда солнечные лучи просачивались сквозь щели в затканной паутиной надземной двери, по ту сторону которой всего в паре шагов пролегла безопасная пешеходная дорожка. Но – увы! – старания мои не были вознаграждены новыми находками: кругом была все та же угнетающая затхлость, гнилостный запах и странные контуры на полу. Представляю, с каким любопытством разглядывали меня многочисленные прохожие через пустые оконные проемы!

Наконец, по совету дядюшки, я решил обследовать подвал в темное время суток и одной непогожей ночью, вооружившись карманным фонарем, еще раз тщательно осмотрел заплесневелый пол с видневшимися на нем непонятными контурами и пробивавшимися сквозь него причудливо искривленными, слабо фосфоресцирующими грибами. В ту ночь окружающая обстановка давила на меня почему-то сильнее, чем прежде, и я почти не удивился, когда увидел – если только они мне не почудились – очертания скрюченной фигуры, отчетливо выделявшейся среди белесоватых наростов. Это была та самая фигура, о которой я помнил с детства. Она выглядела необыкновенно четко, и, не отрывая от нее глаз, я снова увидел слабое желтоватое мерцающее испарение, которое ужаснуло меня в дождливый день так много лет назад.

Эта едва различимая, нездоровая, испускавшая слабое свечение дымка поднималась над человекоподобным пятном плесени возле очага; клубясь и извиваясь в темноте, она, непрерывно принимала различные неясные, но пугающие формы, постепенно истончаясь и улетающая в черноту огромного дымохода и оставляя за собой характерный мерзкий запах. Все это было ужасно и в моем случае еще усугублялось всем, что мне было известно об этом месте. Дав себе слово не покидать своего поста, что бы ни случилось, я внимательно наблюдал за исчезновением дымки и, наблюдая, не мог отделаться от ощущения, что и она, в свою очередь, плотоядно следит за мной своими не столько видимыми, сколько воображаемыми зрачками.

Когда я рассказал обо всем дяде, он пришел в сильное возбуждение и после часа напряженных раздумий принял радикальное решение. Взвесив в уме всю важность предмета и той миссии, которая на нас лежала, он настоял на том, чтобы мы оба подвергли испытанию, а при необходимости и уничтожению скверну этого дома путем совместного неусыпного ночного дежурства в затхлом и заклеяном плесенью подвале.

4

В среду 25 июня 1919 года, с разрешения Кэррингтона Гарриса, которому мы, впрочем, не открыли своих истинных намерений, мы с дядей приволокли в заброшенный дом два складных стула, одну раскладушку и какой-то аппарат для лабораторных экспериментов, весьма сложный и громоздкий. Разместив эти предметы в подвале при свете дня, мы занавесили окна бумагой и покинули дом до вечера, когда было запланировано наше первое дежурство. Перед уходом мы заперли дверь, ведущую из подвала в первый этаж, и теперь, имея ключ от двери с прямым выходом на улицу, могли быть уверены, что наш высокочувствительный аппарат, добытый тайно и за большие деньги, будет оставаться в безопасности столько дней, сколько может нам потребоваться для ночных бдений. План на вечер был таков: до назначенного часа мы оба сидим не смыкая глаз, а затем начинаем дежурить в очередь по два часа каждый, сначала я, потом дядя, в то время как другой отдыхает на раскладушке.

Природная предприимчивость, с которой дядюшка раздобыл аппарат в лабораториях университета Брауна и арсенала на Крэнстон-стрит, а также инстинктивно выбранное им направление наших поисков, убедительно демонстрируют, какой запас жизненных сил и энергии сохранился в этом 80-летнем джентльмене. Илайхью Уиппл строго соблюдал правила здорового образа жизни, которые пропагандировал как врач, и если бы в тот вечер ничего не случилось, он бы и по сей день пребывал в полном здравии. Только двое знают о случившемся – Кэррингтон Гаррис и ваш покорный слуга. Я не мог оставить его в неведении, так как дом принадлежал Гаррису, и он имел право знать все. Кроме того, мы заранее уведомили его о своем эксперименте, и после того, что случилось с дядей, я знал, что Гаррис поймет меня и поможет мне дать необходимые публичные разъяснения. Выслушав мой рассказ, Гаррис стал блее мела, но согласился помочь и решил, что теперь можно без опаски пустить в дом жильцов.

Заявить, что в ту дождливую ночь дежурства мы не испытывали страха, было бы нелепым и глупым бахвальством. Как я уже говорил, мы были далеки от любых суеверий, однако в процессе ученых штудий и долгих размышлений мы пришли к тому, что известная нам трехмерная вселенная представляет собой лишь ничтожную часть целого космоса вещества и энергии. В данном, конкретном случае огромное количество свидетельств из многочисленных достоверных источников объективно указывало на существование неких сил, обладающих невероятной мощью и в высшей степени враждебных человеку. Сказать, что мы серьезно верили в вампиров или, скажем, в оборотней, означало бы сделать слишком поверхностное заявление. Вернее было бы выразиться, что мы не отрицали возможность существования неких неизвестных науке и неописанных форм жизненной силы и разреженной материи; форм, крайне редко встречающихся в трехмерном пространстве ввиду своего более тесного родства с другими элементами пространства, но тем не менее находящихся в достаточной близости к нам, чтобы время от времени удивлять нас феноменами, которые мы, за отсутствием удобной позиции для наблюдения, вряд ли когда-нибудь сможем понять.

Одним словом, мы с дядей полагали, что множество неоспоримых фактов свидетельствует о некоем пагубном влиянии, гнездящемся в страшном доме, – влиянии, восходящем к кому-то из злополучных французских переселенцев двухвековой давности и по-прежнему проявляющем себя через посредство каких-то редких и неизвестных науке законов движения атомов и электронов. На то, что члены семьи Руле находились в каком-то противоестествен-

ном контакте с внешними кругами бытия – кругами враждебными, внушающими нормальным людям лишь страх и отвращение, – достаточно красноречиво указывали письменные свидетельства. Не могли ли случиться так, что беспорядки, произошедшие в те далекие 1730-е годы, привели в движение некие кинетические структуры в болезненном мозгу одного или нескольких французов – хотя бы того же порочного Поля Руле – в результате чего структуры эти пережили своих умерщвленных носителей и продолжали функционировать в многомерном пространстве вдоль исходных силовых линий, определенных неистовой злобой возмущившихся горожан?

В свете новейших научных гипотез, разработанных на основе теории относительности и внутриатомной активности, подобный феномен уже не может считаться невозможным ни с точки зрения физики, ни с точки зрения биохимии. Нетрудно вообразить некий чужеродный сгусток вещества или энергии, пусть бесформенный, пусть какой угодно, существование которого поддерживается неощутимым или нематериальным паразитированием на жизненной силе или телесной ткани и жидкости других, более живых организмов, в которые он проникает и с материей которых он иногда сливается. Сгусток этот может быть активно враждебным, а может и просто руководствоваться слепыми мотивами самосохранения. В любом случае такой монстр в рамках нашей системы вещей неизбежно представляет собой аномалию и незваного гостя, и истребление его является священным долгом каждого, кто не враг природе, здоровью и здравому смыслу.

Более всего нас смущало наше полное неведение относительно того, какую форму примет противник. Никто из находившихся в здравом уме ни разу не видел его, и лишь очень немногие более или менее ясно его ощущали. Это могла быть энергия в чистом виде – как бы некая эфирная форма, существующая вне мира вещества, – а могло быть и нечто материальное, но лишь отчасти, – какая-нибудь неизвестная науке пластичная масса, способная произвольно видоизменяться, образуя расплывчатые подобия твердой, жидкой, газообразной или разреженной сред. Пятно плесени на полу, желтоватые испарения и извивы древесных корней, фигурирующие в ряде старинных легенд, – все они имели отдаленное сходство с человеческими очертаниями, однако нельзя было сказать ничего определенного о том, насколько показательным и постоянным могло быть это сходство.

Для уничтожения противника мы запаслись двумя видами оружия: большой трубкой Крукса специальной конструкции, работающей от двух мощных аккумуляторных батарей и оснащенной особыми экранами и отражателями на тот случай, если враг окажется нематериальным и ему можно будет противодействовать только посредством разрушительного эфирного излучения; и парой армейских огнеметов времен Мировой войны – на случай, если враг окажется частично материальным и чувствительным к механическому воздействию, ибо, по примеру суеверных эксетерцев, мы готовы были испепелить сердце врага, если бы таковое у него оказалось. Все эти орудия агрессии мы разместили в подвале таким образом, чтобы до них легко было дотянуться с раскладушки и стульев и чтобы они были нацелены на то место перед камином, где находилось пятно плесени, принимавшее различные странные очертания. Кстати, пресловутое пятно на этот раз было едва заметно – как днем, когда мы размещали мебель и механизмы, так и вечером, когда мы приступили непосредственно к дежурству, – и я даже на секунду усомнился, видел ли я его когда-нибудь вообще в более отчетливой форме, но потом вспомнил о легендах.

Мы заступили на дежурство в десять вечера и до поры до времени не замечали никаких перемен. При тусклом мерцании атакуемых ливнем уличных фонарей снаружи и еле заметном свечении омерзительной грибной поросли внутри мы различали источающие сырость каменные стены без малейшего следа известки; влажный, зловонный, подернутый плесенью земляной пол с его непотребными грибами; куски полусгнившей древесины, когда-то служившие скамейками, стульями, столами и прочей, теперь уже трудно сказать какой мебелью; массив-

ные доски и балки межэтажного перекрытия над головой; увечную дощатую дверь, ведущую в каморы и закрома, расположенные под другими частями дома; крошащуюся каменную лестницу со сломанными деревянными перилами, и грубую, закопченную кирпичную кладку камина с какими-то ржавыми железками внутри очага, намекавшими на наличие в прошлом крюков, подставок, вертелов и дверцы духовки. Помимо вышперечисленного, мы также могли видеть принесенные с собой стулья, походную раскладушку и громоздкие мудреные орудия разрушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.